

§7 ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

Лыткина К. А.

ФЕНОМЕН ВЫБОРОВ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ДЕМОКРАТИИ АРЕНДА ЛЕЙПХАРТА (СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН)

Аннотация. Статья посвящена специфике рассмотрения феномена выборов в контексте теории демократии Аренда Лейпхарта. Освещены основные положения, обосновывающие разделение демократий на мажоритарные и консенсусные, кратко описаны переменные, позволяющие отнести страну к тому или иному типу демократии: число эффективных парламентских партий, партийный состав правительства, баланс сил между исполнительной и законодательной ветвями власти, диспропорциональность избирательной системы, степень централизации / децентрализации, число палат парламента, жесткость или гибкость Конституции, судебный контроль, независимость центрального банка, уровень прямой демократии. Использовался метод сравнительного анализа, кроме того, в статье приведены авторские расчеты, основанные на формулах расчета индексов Лааксо-Таагеперы, индекса Хуана Молинера и индекса Голосова. Диспропорциональность избирательной системы РФ оценивалась в соответствии с методикой Майкла Галлахера. На основе переменных, относящихся к различным измерениям демократии, приводится анализ российской системы. В статье также дана сравнительная характеристика особенностей протекания избирательных процессов в странах с различными типами демократии. Россия была отнесена нами к мажоритарному типу демократии. В целом, это подтверждается и рассмотренными в статье закономерностями электорального поведения и тем фактом, что сочетание сильного президентского режима даже наравне с выборами в законодательные органы власти на основе системы пропорционального представительства, придает «мажоритарный оттенок» всей политической системе.

Ключевые слова: выборы, мажоритарная демократия, консенсусная демократия, теория демократии, политическая система, электоральное поведение, избирательная система, партийно-исполнительное измерение демократии, федеративно-унитарное измерение демократии, Аренд Лейпхарт.

Review. This article studies how the phenomenon of elections is explored in Arend Lijphart's theory of democracy. The author highlights the main theses that serve as justification for division of democracies to «majoritarian» and «consensus», and briefly describes the variables that allow to attribute a country to a particular type of democracy: the number of effective parliamentary parties, party composition of the government, balance of powers between executive and legislative branches, disproportionality of the elective system, level of centralisation/decentralisation, number of chambers of the parliament, rigidity or flexibility of the Constitution, judicial control, independence of the central bank, and the level of participatory democracy. Methods of comparative analysis were used, the author also used calculations based on the formulas of Laakso and Taagepera's, Juan Molinar's and Golosov's indexes. Disproportionality of the Russian elective system was evaluated according to Michael Gallagher's methods. The analysis of Russian system is based on variables of different dimensions of democracy. The article also provides comparative analysis of the elective processes in countries with different types of democracy. Russia was labelled as a country with majoritarian type of democracy. It is generally confirmed by the patterns of voting behaviour examined in the article, as well as the fact that the strong presidential regime makes the whole political system «more majoritarian», even if the elections to the legislative organs are held according to the system of proportional representation.

Keywords: federal-unitary dimension of democracy, executive-parties dimension of democracy, electoral system, voting behaviour, political system, theory of democracy, consensus democracy, majoritarian democracy, elections, Arend Lijphart.

Значимость института состязательных выборов как элемента демократической системы и основного инструмента реализации принципов демократии не вызывает сомнений. В современной науке существует достаточно большое число различных моделей и концепций демократии, и феномену выборов в каждой из них уделяется разное внимание. По нашему мнению, весьма интересными и перспективными являются теоретические изыскания Аренда Лейпхарта — известного американского политолога. В данной статье мы кратко рассмотрим основные положения его теории, а также попробуем применить их для определения того, к какому типу демократии принадлежит Россия. Сразу отметим, что дискутировать по поводу того, является ли Россия демократией по своей сути или нет, можно бесконечно; на наш взгляд, если принимать во внимание весь комплекс признаков действительно демократического политического режима, то в полной мере таковым не является ни один. В рамках данной статьи мы будем считать демократическими страны, придерживающиеся принципа всеобщего избирательного права и использующие законодательно закрепленные демократические процедуры осуществления государственной власти; такой страной является и Российская Федерация.

Теория Аренда Лейпхарта позволяет выделить две основные формы демократии: мажоритарную и консенсусную, или пропорциональную. В соответствии с положениями теории Лейпхарта, идея мажоритарного демократического представительства состоит в том, что при наличии в обществе дивергенции политических ориентаций, власть должна поддерживать и воплощать политические взгляды большинства населения. Напротив, консенсусная идея представительства призывает действующую власть быть отзывчивой по отношению к максимально широкому спектру интересов граждан^[1]. Обозначенные выше типы демократии имеют разное институциональное воплощение или, другими словами, ряд политико-институциональных характеристик государства можно отнести либо к мажоритарной, либо к консенсусной демократии. По существу они отличаются друг от друга степенью концентрации или рассредоточенности власти в политической системе.

Одной из важных задач настоящей статьи является рассмотрение функций выборов в рамках мажоритарного и консенсусного типов демократии. Сторонники мажоритарной точки зрения полагают, что единственная и наиболее важная функция выборов заключается в избрании власти, на которую возлагается четкая и ясная ответственность за ре-

ализуемую в государстве политику. В рамках консенсусной (пропорциональной) модели главная функция выборов заключается в том, чтобы избрать членов парламента, который должен быть максимально представительным, а критерием качества демократии в политической системе является степень представительности парламента. В связи с тем, что для консенсусной модели демократии характерна многопартийность, в ней, как правило, необходимо формирование коалиций для получения большинства мест в парламенте.

Используя метод анализа главных компонент, Аренд Лейпхарт выделил два измерения демократии, которые он обозначил как исполнительно-партийное и федеративно-унитарное^[1]. Каждое из них включает в себя пять политико-институциональных переменных, которые можно оценить по степени выраженности признаков, свойственных мажоритарной или консенсусной демократии. К исполнительно-партийному измерению Лейпхарт отнес особенности партийной системы, степень диспропорциональности избирательной системы, партийный состав правительства и соотношение законодательной и исполнительной ветвей власти; к федеративно-унитарному в свою очередь — принцип политико-территориального устройства государства, степень бюджетно-налоговой децентрализации, число палат парламента и силу судебного контроля. Несмотря на то, что теория Аренда Лейпхарта неоднократно подвергалась критике со стороны различных ученых (так, например, Таагепера в своей работе 2003 года отметил нелогичность использования такого индикатора, как степень независимости центрального банка^[2]), на сегодняшний день эта теория остается одним из немногих системных и проверенных временем подходов к концептуализации демократии.

В рамках данной статьи мы будем основываться на оригинальной системе Лейпхарта, включив, однако, в неё изменения, внесенные А. Ваттером и Дж. Бернауэром. Они обновили и усовершенствовали типологию Лейпхарта, проанализировав данные по большему числу европейских стран, а также добавили переменную, связанную с уровнем прямой (непосредственной) демократии — по мнению

многих авторов, неотъемлемым показателем уровня демократичности режима в целом. Помимо этого, Ваттер и Бернауэр исключили из системы Лейпхарта критерии, связанные с плюралистичностью или «корпоративностью» систем групп интересов^[3].

Теперь рассмотрим более подробно конкретные переменные, позволяющие отнести политическую систему к тому или иному типу демократии, а также попробуем на основе их определить, мажоритарной или консенсусной демократией является Россия.

1) Число эффективных парламентских партий. Первая переменная, относящаяся к партийно-исполнительному измерению демократии по Аренду Лейпхарту — это число эффективных (реальных) парламентских партий. В соответствии с расчетами автора, основанных на результатах выборов депутатов Государственной думы 2011 года, индекс Лааксо-Таагеперы^[4] равен 2,8; значение индекса Голосова^[5] составляет 2,1, а индекс Молинара^[6], приписывающий особый вес доминирующей партии, равен 1,6. Несмотря на то, что значения индексов достаточно сильно различаются, интерпретация их в контексте нашей задачи схожа: число эффективных парламентских партий в России в среднем равно двум — это имеющая большинство в нижней палате парламента ВПП «Единая Россия» и остальные партии, которые по формальным признакам могут считаться оппозиционными. Такие значения индексов свидетельствуют о двухпартийности парламентской системы и соответствуют мажоритарному типу демократии^[4].

2) Партийный состав правительства. Как правило, кабинетами министров, относящимися к консенсусному типу, считаются коалиционные многопартийные кабинеты или кабинеты одно/многопартийного меньшинства. Мажоритарные кабинеты — это, как правило, кабинеты однопартийного большинства^[7]. Использование этой переменной зависит от принципа формирования высшего органа исполнительной власти и роли парламента в этой процедуре. В Российской Федерации с согласия Государственной Думы Президент назначает Председателя Правительства, по предложению которого назнача-

ет на должность и освобождает от должности вице-премьеров и федеральных министров. Роль парламента в процедуре формирования правительства невелика, и формально Правительство РФ не является партийным органом, однако треть министров нынешнего Правительства России являются членами партии парламентского большинства, а Председатель Правительства — лидер этой партии. В связи с этим, с некоторыми оговорками по данному показателю Россию также можно отнести скорее к мажоритарному, чем к консенсусному типу демократии.

3) Третьей переменной, позволяющей определить принадлежность государства к тому или иному типу демократии, являются **отношения между исполнительной и законодательной ветвями власти**. Следует отметить, что специфической чертой принципа разделения властей в государственной системе Российской Федерации, на наш взгляд, является фактическое доминирование исполнительной власти над законодательной, во многом обусловленное полномочиями Президента РФ. Ситуацию не меняет даже формальное наличие у законодательной власти некоторых рычагов «сдерживания» исполнительной (например, полномочия нижней палаты российского парламента, связанные с решением вопроса о доверии Правительству России). Эту точку зрения разделяют как отечественные, так и зарубежные исследователи [8: 9; 10].

Вышеуказанное превалирование исполнительной власти над законодательной является в соответствии с положениями теории Арнда Лейпхарта признаком мажоритарной демократии.

4) Следующая рассматриваемая переменная — **диспропорциональность избирательной системы**. Для расчета этого показателя мы будем использовать индекс Майкла Галлахера [11], отражающий несоответствие между предпочтениями избирателей и распределением мест в парламенте по итогам выборов. Значение индекса Галлахера, так же, как и число эффективных партий, рассчитывалось на основе результатов выборов депутатов Государственной Думы РФ, проходивших в 2011 году. Индекс отражает разницу между количеством голосов, отданных за партию,

и количеством мест, полученных ею по итогам выборов в законодательные органы власти, и измеряется по шкале от 0 до 100. Значение индекса Галлахера для России составило 3,4: по сравнению с 12,0 — в 2003 году и 4,3 — в 2007. Такое стремление индекса Галлахера к большей пропорциональности избирательной системы связано с переходом в 2007 году к полностью пропорциональной системе избрания депутатов Государственной Думы. На выборах 2011 года за 4 партии, прошедшие по итогам в парламент, отдали свои голоса 95% пришедших на участки избирателей. Низкое значение индекса Галлахера свидетельствует о незначительной диспропорциональности избирательной системы и, следовательно, о её консенсусном характере. Исходя из числового показателя индекса, логичным было бы сделать вывод о том, что результаты выборов хорошо отражают предпочтения граждан страны, однако, в контексте вышесказанного отметим, что индекс Галлахера не учитывает степень открытости политического рынка для новых субъектов.

5) **Степень централизации / децентрализации**. Первые два показателя федеративно-унитарного измерения демократии, которые необходимо учитывать при отнесении страны к мажоритарному или консенсусному типу — это степень конституционного и фискального (бюджетного) федерализма. Арнд Лейпхарт в своей концепции демократии объединил эти два показателя, однако, по нашему мнению, их необходимо рассмотреть отдельно. Степень конституционного федерализма, отражающего распределение полномочий между различными уровнями власти, оценим по шкале от 0 до 2, где 0 — отсутствие федерализма, а 2 — наличие сильного федерализма в стране. Система государственной власти в России последние полтора десятилетия развивалась в русле укрепления «вертикали власти», избыточного присутствия федерального центра в зоне ответственности органов власти субъектов РФ и местного самоуправления, а также все уменьшающегося воздействия на принятие центром общенациональных решений, затрагивающих жизненные интересы всех или отдельных регионов [12]. В связи с этим сегодня, по нашему мнению,

можно говорить о формально закрепленном Конституцией федеративном устройстве и медленном движении в сторону ослабления централизации, но никак не о сильном федерализме со сложившейся системой эффективных практик взаимодействия центра и регионов. Оценка по вышеуказанной шкале составила 1. Степень фискальной (бюджетной) децентрализации в соответствии с теорией Лейпхарта измеряется в доле местных и региональных налогов и сборов в консолидированном бюджете страны по сравнению с долей федеральных налоговых поступлений. По данным Федеральной налоговой службы РФ за 2012–2014 гг., в среднем доля налоговых поступлений от консолидированных бюджетов субъектов РФ в общую структуру доходов составила 52%^[13], или по шкале от 0 до 1–0,5. Однако следует отметить, что для российской бюджетно-налоговой системы этот показатель финансовой децентрализации стоит использовать с осторожностью, так как, несмотря на вышеуказанные числовые показатели поступлений, на федеральном уровне всё ещё сохраняется значительная централизация налогово-бюджетных полномочий. Система такова, что федеральные налоги поступают на счета федерального казначейства и лишь затем делятся по установленным в федеральном законодательстве пропорциям между уровнями бюджетной системы^[14]. Таким образом, проведенная оценка степени децентрализации в России свидетельствует о весьма умеренных, но всё же мажоритарных тенденциях по данному показателю.

6) Число палат парламента. Следующей переменной, относящейся к федеративно-унитарному измерению демократии, является тип структуры высшего представительного и законодательного органа власти страны. В федеративных системах, как правило, большее распространение, имеют двухпалатные парламенты: каждая из палат в них обладает различными полномочиями. В своей работе «Patterns of democracy» Арэнд Лейпхарт указывал на то, что типом парламента, в наибольшей степени обладающим чертами консенсусности, является двухпалатный парламент, в котором обе палаты обладают равными властными полномочиями и разной

партийной структурой^[1]. Одна палата (именуемая нижней) выражает прямое представительство всего населения и формируется путем общенациональных выборов. В соответствии с Конституцией РФ, Федеральное Собрание — парламент Российской Федерации состоит из двух палат — Совета Федерации и Государственной Думы. В Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации: по одному от представительного и исполнительного органов государственной власти, а Государственная Дума избирается сроком на пять лет гражданами РФ на основе всеобщего равного и прямого избирательного права. Палаты российского парламента обладают разными полномочиями, касающимися взаимодействия с другими ветвями власти и решения различных внутригосударственных вопросов, однако статус основного законодателя принадлежит всё же нижней палате. Именно она принимает законы, которые направляет на одобрение Совету Федерации, однако своё право вето верхняя палата российского парламента использует крайне редко. Более того, в случае несогласия Совета Федерации у нижней палаты Федерального Собрания по большинству законов (кроме федеральных конституционных законов и законов о внесении поправок в Конституцию) существует возможность преодолеть вето большинством в две трети голосов от списочного (конституционного) состава Думы. Что касается партийной структуры российского парламента, в обеих палатах большую часть составляют члены партии «Единая Россия» (52,9% от общего числа депутатов Государственной Думы и 75,9% от общего числа членов Совета Федерации)^[15]. Таким образом, в России наблюдается достаточно слабая форма бикамерализма, на основе чего она может быть отнесена к смешанному типу демократии.

7) Жесткость или гибкость Конституции. Этот показатель связан с простотой внесения изменений в основной закон государства. Конституционная гибкость соответствует мажоритарным демократиям: в таких случаях для изменения конституционных положений достаточно простого или квалифицированного большинства голосов в пар-

ламенте. Консенсусные формы предполагают проведение более сложной процедуры: утверждение поправок на референдумах, большинством субъектов федерации или повторное принятие поправок парламентом следующего созыва. Примером «жесткой», а, следовательно, в большей степени консенсусной, конституции, является и Конституция Российской Федерации. По шкале Лейпхарта ей можно присвоить значение индекса 3.

8) Судебный контроль. Данный показатель весьма своеобразно трактуется Арендом Лейпхартом и в российской практике ближе к понятию «конституционный контроль». Он указывает на существование двух типов подобного контроля: наличие отдельного института, имеющего полномочия оценивать степень соответствия конституции тех или иных нормативно-правовых актов, либо право законодательных органов самостоятельно решать, насколько соответствуют конституции принятые законы. Степень контроля оценивается по шкале от 1 до 4, где значение 4 свидетельствует о наличии сильного и независимого конституционного суда (консенсусный тип системы), 1 — об отсутствии конституционного суда в принципе (мажоритарный тип системы). По данному показателю присвоим России значение индекса 2: несмотря на наличие у Конституционного Суда РФ соответствующих полномочий и активную деятельность по работе с обращениями, говорить о высокой степени его независимости и самостоятельности следует с большой осторожностью.

9) Независимость центрального банка — одна из наиболее дискуссионных переменных, которая, по мнению критиков, не имеет никакой логической связи с другими переменными федеративно-унитарного измерения демократии. В своей работе Лейпхарт использовал индекс независимости центрального банка Цукермана, включающий оценку 16 показателей, связанных с независимостью председателя центробанка, принципами формулирования кредитно-денежной политики, а также ограничением на финансирование государственного бюджета [7]. Чем большую независимость имеет центральный банк, тем большую выраженность приобретает кон-

сенсусный характер системы. В соответствии с данными подсчетов по различным методикам, Банк России характеризуется средним уровнем независимости, что соответствует смешанной демократической системе [16].

10) Уровень прямой демократии. Данная переменная отсутствовала в оригинальной концепции Аренда Лейпхарта и была добавлена А. Ваттером и Дж. Бернауэром [17]. Ваттер вводит индекс прямой демократии, построенный на оценке количества и типов проведенных в стране референдумов, представляющих собой основную форму непосредственного волеизъявления граждан. В исследованиях зарубежных авторов, анализирующих показатели данного индекса в разных странах мира, Россия либо вовсе не учитывается, либо уровень прямой демократии в ней оценивается как близкий к нулю. С 1993 года на территории России не было проведено ни одного общенационального референдума, а почти все региональные референдумы были инициированы «сверху». Низкие значения индекса прямой демократии в России, возможно, связаны также с внесением в 2008 году поправок в федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации», касающихся запрета выносить на всеобщее голосование вопросы, связанные с компетенцией федеральных органов государственной власти. Слабое развитие институтов прямой демократии в России свидетельствует о мажоритарности системы.

Таким образом, из десяти рассмотренных показателей половина позволяет отнести Россию к странам мажоритарной демократии, 3 — к смешанной и 2 — к консенсусной. На наш взгляд, это отражает особенности российской системы, связанные с зачастую формальным закреплением в законодательстве страны демократических процедур осуществления государственной власти и весьма специфичным их воплощением, наполненным множеством «подводных камней». Тем не менее, Россия скорее может быть отнесена к демократии мажоритарного типа. Это обстоятельство обусловлено достаточно заметными на протяжении длительного периода тенденциями централизации власти и государственного управления, а также сильным

президентским режимом, который также связан с мажоритаризмом [7].

Существуют ли какие либо закономерности электорального поведения, связанные с типом демократии? На этот вопрос постаралась ответить группа зарубежных ученых, проводившая изучение обозначенной проблемы на основе данных Comparative Study of Electoral Systems (CSES) — международной исследовательской программы, целью которой является сравнительный анализ электорального поведения: как на уровне всей страны, так и на индивидуальном [7].

Как уже указывалось выше, при проведении выборов в консенсусных и мажоритарных системах на первый план выходят различные аспекты. Главное при проведении выборов в консенсусных демократиях — это максимальная представленность различных электоральных групп и интересов, в том числе и находящихся в меньшинстве. Именно в связи с этим принято считать, что консенсусные институты вовлекают большее число граждан в избирательный процесс, снижают политическое неравенство, предоставляют гражданам реальную возможность выбора, а также обеспечивают значительную идеологическую поляризацию партийного поля. Данные опросов свидетельствуют о том, что готовность прийти на избирательные участки и проголосовать гораздо выше среди тех, кто ощущает свои интересы представленными в политике, чем среди тех, у кого такое ощущение отсутствует (78% против 57% соответственно) [7]. Причем следует отметить, что простое наращивание числа партий в политической системе не сможет привести к росту граждан, считающих, что их интересы представлены. Количество таких людей возрастет только в том случае, когда представленные на политической арене партийные альтернативы будут высоко дифференцированы — именно в связи с этим в консенсусных демократиях граждане чувствуют себя представленными лучше, чем в мажоритарных. Отметим, что избиратель, в данный временной период ощущающий свое представительство какой-либо партией или политическим лидером, не обязательно является их сторонником: чувство представленности гораздо

менее устойчиво и подвержено достаточно резким колебаниям.

Люди в давно существующих, развитых демократиях в большей степени чувствуют себя представленными в органах законодательной власти, чем жители развивающихся демократий, к числу которых относится и Россия. По данным опроса ВЦИОМ [18], в нашей стране только 52% граждан считают, что существует партия, которая представляет их интересы. Для сравнения: в Германии, Швейцарии и Дании доля таких людей стремится к 90%. В мажоритарных системах также наблюдается следующая закономерность: граждане считают, что их интересы лучше представляют конкретные политические лидеры, а не партии; та же тенденция относится и к развивающимся демократиям. По результатам опроса, проведенного в рамках исследования CSES, Россия в значительной степени ориентирована на лидера: 61% опрошенных считают, что их интересы лучше представляет политический лидер, и это почти вдвое меньше по сравнению с теми, кто скорее представлен политической партией [7]. К ряду стран-участников исследования, ориентированных на лидера, были отнесены также Кыргызская Республика, Чили и Бразилия. Напротив, свою представленность политическими партиями население в большей степени ощущает в Чешской Республике, Швеции, Финляндии и Германии. Заслуживают внимания и следующие данные: больше всего граждан, считающих, что их интересы в политике представлены очень хорошо или довольно хорошо в Дании и США (80 и 72% соответственно); внизу этого рейтинга из 35 стран расположились Бразилия, Словения, Чешская Республика и Япония; Россия же занимает 28 место.

Из исследований, посвященных электоральному поведению, известно, что избиратели используют ярлыки, шаблоны и стереотипы для того, чтобы субъективно уменьшить сложность политической жизни и суметь определиться с тем, за кого они готовы проголосовать. Одним из наиболее важных критериев дифференциации различных политических альтернатив, несмотря

на критику актуальности такого подхода, остается идеология, и в частности, разделение на «правых» и «левых». Вопреки распространенному среди ученых (и во многом обоснованному) мнению, что шкала «право-лево» не может эффективно и корректно отразить положение любого субъекта в политико-идеологическом пространстве, отметим, что в качестве субъективного критерия отнесение партии или политика к «правому» или «левому» полюсу ещё долго не потеряет свою актуальность. Именно идеологическое деление на «правых-левых» может быть рассмотрено как некоторый «сверхкритерий», позволяющий объединить широкий спектр политических позиций и взглядов. Это подтверждается и данными исследований: в среднем, в странах, включенных в программу CSES, 82,9% респондентов имеют свою позицию на шкале право-лево (от низких показателей — 61,3% в Италии до высокого — 96,1% в Нидерландах) и используют её для структурирования политического поля ^[19]. Целью подобного упорядочения является соотнесение собственных политических взглядов избирателем с той повесткой дня, которую предлагают ему политики. Только субъективное восприятие избирателями позиции партии может быть важно для оценки близости её взглядов ориентациям электората. Для политических партий в связи с этим важно сформировать конкретное и понятное предложение. Однако в последние годы всё больше исследователей отмечают наличие «кризиса представительства», заключающегося в том, что политические партии стремятся сконцентрироваться на условном «среднем избирателе» и таким образом завоевать популярность максимального количества граждан. Вследствие подобного «стремления к середине» существенно смягчается идеологическая поляризация и снижается как разнообразие политического предложения, так и качество представленности интересов граждан политическими партиями. В мажоритарных системах происходит большая идеологическая конвергенция между различными политическими партиями, и это мешает осветить существующие между ними политико-идеологические различия. Чем

больше политическая система государства руководствуется логикой «всеохватных» партий, тем большее их количество видит единственной возможностью реализации своей политики победу на выборах. Это требует от них отказа от лозунгов и программ, нацеленных на мобилизацию отдельных социальных сегментов электората, а также от повседневных форм работы, не связанных с избирательным процессом. Как обстоит дело с политико-идеологическими ориентациями российских партий? На наш взгляд, в партийных программах сохраняются отдельные аксиологические основания идеологии, но приоритетными становятся общие задачи получения и удержания власти, populistские лозунги и призывы. Это приводит к тому, что в реальном политическом процессе «ценностно-идеологическая чистота» встречается крайне редко. Для подтверждения этого проведем краткий анализ идеологической направленности парламентских партий России. По итогам последних, прошедших в декабре 2011 года, парламентских выборов, из семи зарегистрированных на тот момент партий, представительство в нижней палате Федерального Собрания Российской Федерации получили четыре — это «Единая Россия» (ЕР), Коммунистическая Партия Российской Федерации (КПРФ), «Справедливая Россия» (СР), Либерально-Демократическая Партия России (ЛДПР).

«ЕДИНАЯ РОССИЯ» (ЕР)

Программные документы представлены, в основном, предвыборными обращениями и заявлениями, в которых делается акцент на практической деятельности партии — «реальных делах» — и в общих чертах указаны планы работы на будущие периоды.

ЕР — это партия либерального консерватизма, имеющая четко выраженную центристскую позицию, ориентацию на сохранение существующей политической системы, сочетание либеральных и государственных ценностей. Эта идеология внутренне противоречива, но позволяет получать значительное количество голосов избирателей на выборах и сохраняется, с некоторыми корректировками, уже длительное время.

КПРФ

Коммунистическая партия обладает программой, которая в наибольшей степени подвержена влиянию идеологического фактора. В ней многократно используются обращения к истории России с особым акцентом на советском периоде, кроме того, сама партия именуется правопреемницей РСДРП и КПСС.

Среди всех рассматриваемых партий КПРФ в наибольшей степени оппозиционна, «агрессивна» по отношению к существующей политической системе (впрочем, не настолько, чтобы считаться несистемной партией). Её программа предусматривает коренную перестройку социально-экономических и политической систем общества, но при этом содержит традиционные ценности государственничества в сочетании с социал-демократическими. КПРФ — это своего рода «идеологический мутант».

ЛДПР

Партийная программа Либерально-демократической партии России отличается популизмом и практически не содержит указаний на конкретные способы решения стоящих перед страной, по мнению партии, задач.

Как никакая другая рассматриваемая партия, ЛДПР делает акцент на «русском вопросе» и идее национального возрождения, по сути представляющих собой одну из форм национализма.

В отличие от прежних программных документов, в актуальной программе партии содержится упоминание демократии и либерализма как базовых ценностей ЛДПР, что, однако, не только не решает вопросы внутренней непротиворечивости партийной идеологии, но и усугубляет ситуацию, поскольку выглядит лишь как ответная реакция на многочисленную критику несоответствия названия партии и её программы.

«СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» (СР)

«Справедливая Россия», в отличие от иных партий, демонстрирует постепенное движение в сторону усиления идеологизации своих программных документов. Партия так обозначает своё место в политической системе: левая сила с идеологией «новый социализм»,

которая по сути представляет социал-демократическую концепцию, учитывающую отечественную специфику.

У СР достаточно четко обозначена центральная идея и базовые ценности, присутствует слоган партии, однако конкретные механизмы реализации предлагаемых реформ и достижения целей сформулированы весьма популистски.

Таким образом, по итогам анализа программных платформ парламентских политических партий России, можно констатировать подтверждение вышеуказанного тезиса о «размытии» политико-идеологических установок партий. Нередко одна и та же установка может присутствовать в программных документах различных по направленности партий. Многие партии при этом объединяют в своих программах ценности, относимые к различным политическим течениям, что в итоге приводит к возникновению своеобразных «идеологических гибридов» — к примеру, либерального консерватизма. Такая ситуация непосредственно отражается на членах партий, которые во многом «теряют» четкие ценностно-идеологические ориентиры, не говоря уже об избирателях, для которых весьма сложной задачей является выбор между партиями на основе их политических взглядов и ориентаций.

Чем выше четкость политических позиций партии, тем более сильны предпосылки для голосования на основе близости политических взглядов — как уже указывалось выше, именно такой мотив выбора считается наиболее «правильным» для корректно функционирующих демократических процедур. Однако это возможно при условии проведения политическими партиями четкой политики, которая может быть сформулирована в терминах «право-левого» разделения. Анализ предвыборных программ в рамках исследования CSES демонстрирует достаточно сильный разброс в ясности формулировки политического предложения: от очень низкого (3%) в Румынии до сравнительно высоких показателей (76%) в Чехии^[19]. Коэффициент корреляции между близостью голосования на основе политических предпочтений и четкостью политических позиций партии составляет

Диаграмма 1. Средние показатели явки избирателей за период 2003–2014 гг.

в странах с консенсусным типом демократии, %

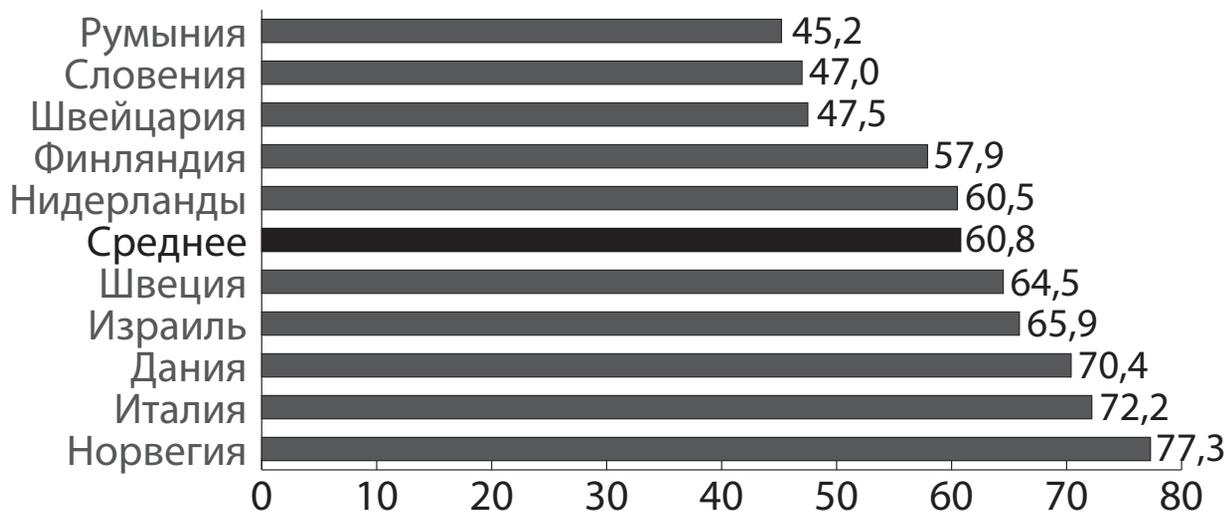
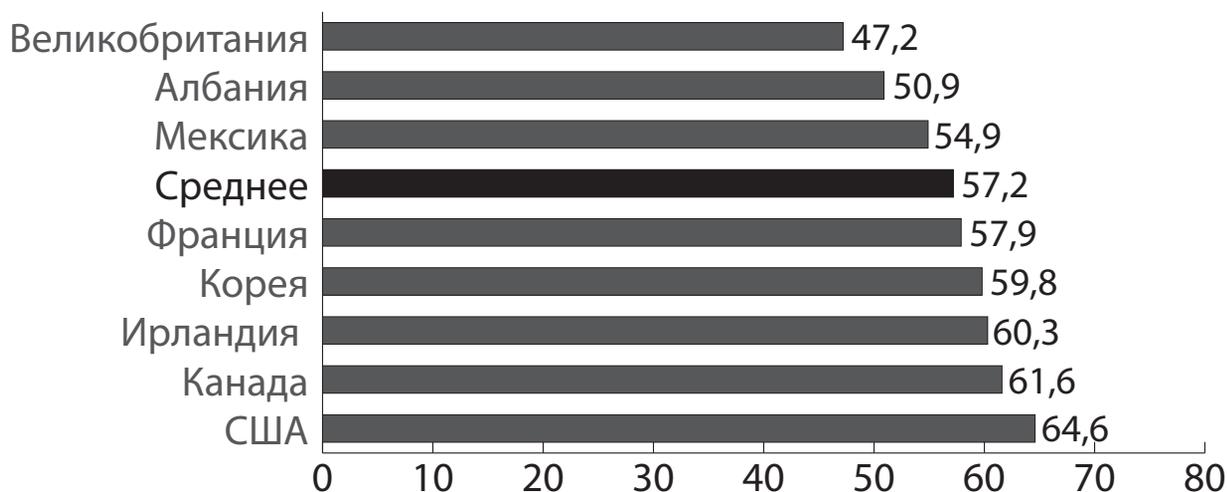

Диаграмма 2. Средние показатели явки избирателей за период 2003–2014 гг.

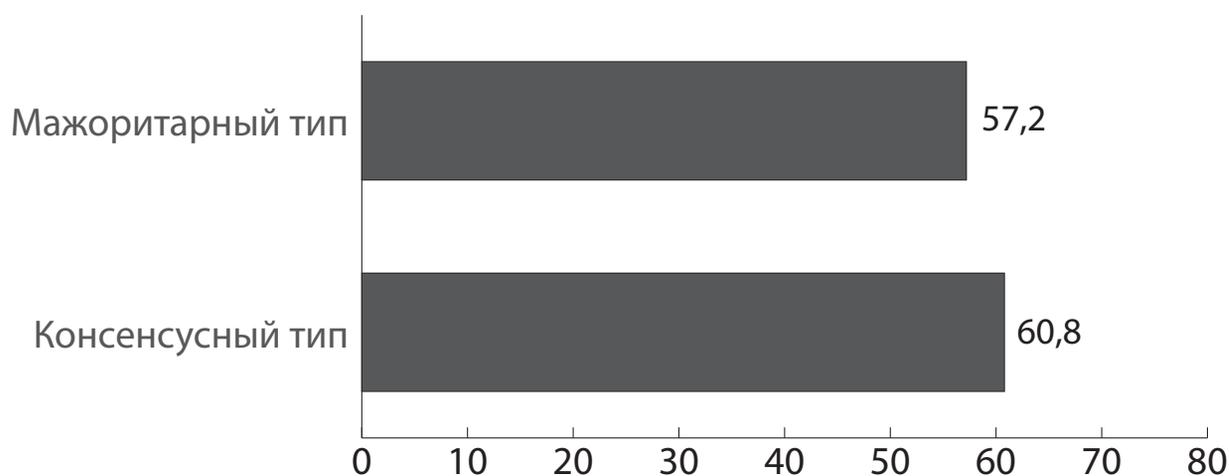
в странах с мажоритарным типом демократии, %

0,6. В целом, это можно интерпретировать следующим образом: чем больше четкости в том, что партийная система предлагает избирателю, тем более значимым становится для избирателя рассмотрение собственных политических позиций и соотнесение их с партийными. Если же партии предлагают гражданам нечетко сформулированные, расплывчатые и бессодержательные программы, то избиратели преуменьшают значимость политико-идеологических факторов при голосовании. Помимо голосования, основанного на политических предпочтениях избирателей, можно

выделить ещё два типа: голосование, основанное на оценке работы власти (ретроспективное) и голосование, связанное с личностью кандидата. По данным CSES, в мажоритарных демократиях реже наблюдается голосование, основанное на политических предпочтениях избирателей^[7]. Это обусловлено меньшей идеологической поляризацией партийного поля в мажоритарных системах. На наш взгляд, доминирование в России голосования, связанного с личностью кандидата, обусловлено существующей политической культурой, которой свойственна исключительно сильная

Диаграмма 3. Средние показатели явки избирателей за период 2003–2014 гг. по типам демократии, %

персонализация властных институтов. Голосование на основании политических позиций избирателей или их оценки деятельности власти, встречается реже.

Рассмотрим ещё одну закономерность электоральной активности граждан, выявленную группой исследователей CSES: в консенсусных демократиях показатели явки выше, чем в мажоритарных. Эта зависимость обусловлена тем, что в консенсусных системах, как уже описывалось выше, люди чувствуют себя лучше представленными в политической сфере. Для проверки этой закономерности нами были рассчитаны средние значения явки на общенациональных выборах с 2003 по 2014 годы стран-участниц исследования CSES, отнесенных к мажоритарному или консенсусному типу демократии (данные по показателям явки — The International Institute for Democracy and Electoral Assistance (International IDEA))^[20].

Отметим, что Австралия (мажоритарная демократия; среднее значение явки — 93,9%), Бельгия и Бразилия (консенсусные демократии; средние значения явки — 90,3% и 80,6% соответственно) были исключены нами из расчетов в связи с тем, что в законодательстве этих стран закреплен принцип обязательного голосования. Очевидно, что явка в таких странах будет выше вне зависимости от типа демократических институтов.

Как видно, из диаграммы 3, средние значения явки избирателей в странах с консенсусным типом демократии, хоть и не-

значительно, но всё же превышают средние значения явки в странах с мажоритарной демократией. Также нами были проведены расчеты для вычисления общемирового среднего показателя явки избирателей за период с 2003 по 2014 годы (местные и региональные выборы не учитывались) на основе данных The International Institute for Democracy and Electoral Assistance (International IDEA)^[20]. Значение среднего показателя по 195 странам мира составило 65,1%, в России же средняя явка чуть ниже, чем общемировая — 63,1%. Во Вьетнаме и в Лаосе на избирательные участки приходят более 99% избирателей, ниже всего электоральная активность в Республиках Мали и Гаити, Египте и Польше — здесь явка не превышает 40%. Отметим, что явка избирателей — показатель, который весьма сложно интерпретировать. На его значение оказывает влияние большое число взаимосвязанных систематических и случайных факторов: тип избирательной системы, социально-экономическая ситуация в стране, добровольность или обязательность волеизъявления, организация процедуры голосования, отдельные события и многие другие. В связи с этим говорить об общемировых закономерностях явки избирателей, используя один или два критерия, нужно с большой осторожностью.

Рассмотрим также, насколько распространены в странах с тем или иным типом демократии различные формы политической активности: участие в голосовании, участие

Таблица 1. Распространенность различных форм политической активности в странах-участницах исследования CSES, Модуль 2,%

Страна	Участие в голосованиях	Участие в избирательной кампании	Убеждение окружающих	Взаимодействие с политиками	Работа в общественных организациях	Участие в акциях протеста
Австралия	82,4	16,2	32,4	29,1	22,7	13,8
Албания	59,5	45,5	33,6	24,9	49,0	37,7
Бельгия	85,9	7,2	12,1	8,8	15,0	10,0
Болгария	72,1	6,6	7,0	3,3	11,7	3,6
Бразилия	68,4	18,0	36,6	11,8	20,0	8,1
Великобритания	58,3	13,2	18,2	19,0	13,4	7,0
Венгрия	55,9	9,8	15,4	4,9	13,4	2,8
Германия	73,5	6,4	27,7	12,4	25,6	12,2
Дания	84,3	7,7	22,2	20,4	34,4	11,3
Израиль	76,1	10,9	32,4	10,8	14,4	13,7
Ирландия	67,0	8,2	13,1	21,6	17,5	7,6
Исландия	89,1	16,3	22,1	21,4	22,0	12,6
Испания	79,8	5,7	7,7	4,2	14,3	27,8
Италия	82,1	8,4	9,1	4,4	4,1	6,7
Канада	55,3	34,7	65,0	36,2	33,0	14,3
Корея	59,5	4,2	20,6	-	-	-
Мексика	43,4	12,8	8,9	11,3	10,3	7,9
Нидерланды	76,8	7,0	12,3	13,8	7,1	9,6
Новая Зеландия	72,5	5,8	21,5	21,7	21,1	7,9
Норвегия	75,0	6,6	17,5	14,2	36,0	11,4
Перу	84,1	16,2	28,8	8,0	19,5	17,1
Польша	47,6	4,2	7,2	4,5	4,2	2,8
Португалия	69,2	-	10,6	6,1	12,4	7,4
Россия	62,2	3,4	25,7	2,8	2,6	1,5
Румыния	62,3	7,5	17,3	3,8	19,6	4,4
Словения	61,1	5,3	6,7	4,2	12,7	5,5
США	56,7	29,9	44,1	28,3	34,8	5,7
Тайвань	78,3	16,7	24,4	13,9	8,1	9,2
Филиппины	71,5	27,2	25,7	14,1	31,9	3,5
Финляндия	70,0	11,4	12,6	14,6	18,1	6,0
Франция	69,9	6,9	29,0	12,1	19,9	25,2
Чехия	59,0	20,4	26,0	6,3	14,8	9,1
Чили	66,5	12,0	22,6	12,1	16,8	12,3
Швейцария	37,3	6,0	15,1	12,1	24,5	14,9
Швеция	78,0	3,1	12,9	13,5	14,7	10,9
Япония	59,0	4,3	12,3	4,2	3,6	1,3
Среднее	68,0	11,9	20,6	12,7	17,8	10,0

граждан в избирательной кампании, убеждение окружающих, за кого именно им следует отдать свой голос, взаимодействие с политиками, работа в общественных организациях (как политических, так и неполитических), участие в протестных акциях, митингах и демонстрациях. Ниже приведена таблица, в которой представлены данные опроса, посвященного политическому участию [7].

Как показывают результаты исследования, консенсусным демократиям свойственны более высокие показатели по явке избирателей и менее высокие — по всем остальным формам политической активности. Мажоритарные же системы, напротив, демонстрируют весьма скромную явку, но предоставляют своим гражданам возможности для реализации политической активности иными способами: примером могут служить США и Канада. Самые высокие показатели протестной активности традиционно демонстрируют Франция и Испания (25,2% и 27,8% соответственно). Данные закономерности, по-видимому, не применимы к России. Демонстрируя средние показатели по явке и убеждению других людей, как именно им нужно проголосовать (62,2% и 25,7% соответственно), Россия достаточно сильно «проседает» при оценке участия граждан во всех иных формах политической активности. Значение по активности участия в избирательных кампаниях составило 3,4% (ниже только в Швеции — 3,1%), по взаимодействию с политиками — 2,8% (самый низкий результат среди стран-участниц исследования), участие в общественных организациях — 2,6% (самый низкий результат среди стран-участниц исследования), по посещению акций протеста — 1,5% (ниже только в Японии — 1,3%). Низкие показатели России практически по всем формам политической активности подтверждаются и результатами более позднего опроса, проводившегося

ВЦИОМ в марте 2013 года [21]. В нем были использованы сопоставимые формы политического участия. Сами россияне называют следующие основные причины своей низкой политической активности: отсутствие интереса к политике (36%), отсутствие свободного времени (23%) и уверенность в том, что их участие ничего не изменит (20%). Возможно, такая ситуация связана с небольшим возрастом демократии в России: зависимость низкого уровня не связанных с выборами форм политической активности от возраста демократии также была выявлена по итогам опроса в рамках CSES. Ещё одна закономерность, общая для всех стран-участников исследования — пожилые люди чаще голосуют, чем все другие возрастные группы, однако реже принимают участие в иных формах политической активности.

Таким образом, обобщая всё вышесказанное, отметим, что особенности избирательного процесса различаются в странах мажоритарного и консенсусного типов демократии. Различия эти, однако, не являются фундаментальными и обусловлены в большей степени опосредствованным влиянием мажоритарности или же консенсусности системы через такие переменные, как качество представительства, степень четкости политического предложения и идеологическая поляризация партийного поля. На основании анализа, проведенного в рамках теории Аренда Лейпхарта, Россия была отнесена нами к мажоритарному типу демократии. В целом, это подтверждается и рассмотренными выше закономерностями электорального поведения и тем фактом, что сочетание сильного президентского режима даже наравне с выборами в законодательные органы власти на основе системы пропорционального представительства, придает «мажоритарный оттенок» всей политической системе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аналитическая справка о поступлении администрируемых ФНС России доходов в консолидированный бюджет Российской Федерации. URL: <http://analytic.nalog.ru/portal/index.ru-RU.htm> (дата обращения: 08.02.2015)
2. Голосов Г. В. Мир партийных систем и партийные системы мира [Электронный ресурс] // <http://polit.ru/article/2011/04/06/partyism/>

3. Иванов В. А.. Правовые основы взаимодействия федеральных органов законодательной и исполнительной власти Российской Федерации в законодательном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук: Москва, 2006. — 205 с.
4. Лексин В. Н. Доклад на тему Федеральный центр и субъекты Федерации: проблемы взаимодействия и взаимодействия. С.6. Федеральный центр в регионах: проблемы руководства и управления. Материалы научного семинара / Под ред. В. И. Якунина. Выпуск № 4 (9). М.: Научный эксперт, 2007. — 144 с.
5. Сколько партий нужно России? Пресс-выпуск № 2590. ВЦИОМ. 26.05.2014. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114836> (дата обращения: 08.02.2015).
6. Смирнягин Л. В., Бусыгина И. М., Российский федерализм. 2009. URL: <http://www.inop.ru/files/Chapter10.pdf> (дата обращения: 08.02.2015).
7. Тимербаев Т. А. Конституционно-правовые пробелы в системном взаимодействии органов государственной власти в Российской Федерации / Т. А. Тимербаев // Евразийский юридический журнал (ЕврАзЮж). — 2012. — № 9. — С. 72–74.
8. Участие россиян в политической жизни страны в 2013 году. ВЦИОМ. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. — 03.04.2013. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/04/03/5773> (дата обращения: 08.02.2015).
9. Члены Совета Федерации РФ-члены партии «Единая Россия». URL: http://er.ru/persons/federal_council/ (дата обращения: 08.02.2015).
10. Chaisty P. «Majority control and executive dominance: Parliament-President relations in Putin's Russia» *Politics in Russia*. Edited by Joel M. Ostrow, CQ Press, Thousand Oaks, USA, 2012.
11. Dincer N., Eichengreen B. *Central Bank Transparency and Independence: Updates and New Measures*, 2013.
12. *Elections and Democracy: Representation and Accountability. Comparative Study Of Electoral Systems*. Edited by Jacques Thomassen / Oxford University Press, 2014.
13. Gallagher, M. «Proportionality, Disproportionality and Electoral Systems». *Electoral Studies*, 10 (1): 33–51, 1991.
14. Laakso M., Taagepera R. The «Effective» Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // *Comparative Political Studies*. № 12. P. 3–27, 1979.
15. Lijphart, A. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*, New Haven/London: Yale University Press, 1999.
16. Molinar J. Counting the Number of Parties: an Alternative Index // *American Political Science Review*. Vol. 85. № 4, 1991.
17. Taagepera, R. «Arend Lijphart's Dimensions of Democracy: Logical Connections and Institutional Design». *Political Studies*, 51 (1): 1–19, 2003.
18. Vatter, A., Bernauer, J. «The Missing Dimension of Democracy: Institutional Patterns in 25 EU Member States between 1997 and 2006». *European Union Politics*, 10 (3): 335–59, 2009.
19. Vatter, A., Bernauer, J. *Consensus Democracy Indicators in 35 Democracies, 1997–2006*, Berne/Konstanz: Department of Political Science, 2011.
20. Voter Turnout. The International Institute for Democracy and Electoral Assistance URL: <http://www.idea.int/vt/> (дата обращения: 08.02.2015).
21. Wessels, B., Schmitt, H. «What Shapes Electoral Choice Options? Institutional Determinants of the Distinctiveness of Choice Options?» Presented at the Electoral Systems and Electoral Politics Bangalore CSES Workshop, 2–3 November, 2006.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Аналитическая справка о поступлении административных органов Российской Федерации в консолидированный бюджет Российской Федерации. URL: <http://analytic.nalog.ru/portal/index.ru-RU.htm> (дата обращения: 08.02.2015)

2. Golosov G. V. Mir partiinykh sistem i partiinye sistemy mira [Elektronnyi resurs] // <http://polit.ru/article/2011/04/06/partyism/>
3. Ivanov V. A.. Pravovye osnovy vzaimodeistviya federal'nykh organov zakonodatel'noi i ispolnitel'noi vlasti Rossiiskoi Federatsii v zakonodatel'nom protsesse: Dis. ... kand. yurid. nauk: Moskva, 2006. — 205 s.
4. Leksin V. N. Doklad na temu Federal'nyi tsentr i sub'ekty Federatsii: problemy vzaimovliyaniya i vzaimodeistviya. S.6. Federal'nyi tsentr v regionakh: problemy rukovodstva i upravleniya. Materialy nauchnogo seminaru / Pod red. V. I. Yakunina. Vypusk № 4 (9). M.: Nauchnyi ekspert, 2007. — 144 s.
5. Skol'ko partii nuzhno Rossii? Press-vypusk № 2590. VTsIOM. 26.05.2014. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114836> (data obrashcheniya: 08.02.2015).
6. Smirnyagin L. V., Busygina I. M., Rossiiskii federalizm. 2009. URL: <http://www.inop.ru/files/Chapter10.pdf> (data obrashcheniya: 08.02.2015).
7. Timerbaev T. A. Konstitutsionno-pravovye probely v sistemnom vzaimodeistvii organov gosudarstvennoi vlasti v Rossiiskoi Federatsii / T. A. Timerbaev // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal (EvrAzYuzh). — 2012. — № 9. — S. 72–74.
8. Uchastie rossiyan v politicheskoi zhizni strany v 2013 godu. VTsIOM. [Elektronnyi resurs] // Tsentr gumanitarnykh tekhnologii. — 03.04.2013. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/04/03/5773> (data obrashcheniya: 08.02.2015).
9. Chleny Soveta Federatsii RF-chleny partii 'Edinaya Rossiya'. URL: http://er.ru/persons/federal_council/ (data obrashcheniya: 08.02.2015).
10. Chaisty P. 'Majority control and executive dominance: Parliament-President relations in Putin's Russia' Politics in Russia. Edited by Joel M. Ostrow, CQ Press, Thousand Oaks, USA, 2012.
11. Dincer N., Eichengreen B. Central Bank Transparency and Independence: Updates and New Measures, 2013.
12. Elections and Democracy: Representation and Accountability. Comparative Study Of Electoral Systems. Edited by Jacques Thomassen / Oxford University Press, 2014.
13. Gallagher, M. 'Proportionality, Disproportionality and Electoral Systems'. Electoral Studies, 10 (1): 33–51, 1991.
14. Laakso M., Taagepera R. The 'Effective' Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies. № 12. P. 3–27, 1979.
15. Lijphart, A. Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries, New Haven/London: Yale University Press, 1999.
16. Molinar J. Counting the Number of Parties: an Alternative Index // American Political Science Review. Vol. 85. № 4, 1991.
17. Taagepera, R. 'Arend Lijphart's Dimensions of Democracy: Logical Connections and Institutional Design'. Political Studies, 51 (1): 1–19, 2003.
18. Vatter, A., Bernauer, J. 'The Missing Dimension of Democracy: Institutional Patterns in 25 EU Member States between 1997 and 2006'. European Union Politics, 10 (3): 335–59, 2009.
19. Vatter, A., Vernauer, J. Consensus Democracy Indicators in 35 Democracies, 1997–2006, Berne/Konstanz: Department of Political Science, 2011.
20. Voter Turnout. The International Institute for Democracy and Electoral Assistance URL: <http://www.idea.int/vt/> (data obrashcheniya: 08.02.2015).
21. Wessels, B., Schmitt, H. 'What Shapes Electoral Choice Options? Institutional Determinants of the Distinctiveness of Choice Options?' Presented at the Electoral Systems and Electoral Politics Bangalore CSES Workshop, 2–3 November, 2006.